

В Челябинск семья Боровинских переехала в 1740-х годах, когда он был уже не просто крепостью, а городом и центром провинции. Глава семьи, Андрей Максимович Боровинский, переехал сюда из ведомства Рафайлова монастыря, на Исети и записался в посадские, то есть в купечество. Все городские сословия тогда делились на посадских, или купцов и цеховых, то есть ремесленников. О жизни основателя династии мало что известно. Был одним из первых старост посадских и цеховых Челябинска. Сумел развернуться с торговлей, и принадлежал к так называемым «первостатейным» купцам, то есть самым зажиточным, оборотистым.

В те времена зажиточные купцы приносили своим землякам вполне реальную пользу, не только за счет развития торговли и экономики города, но и просто принимая на себя часть тягот своих менее удачливых сограждан. Очень часто возникала необходимость собрать деньги на решение каких-либо про-

в челябинском городском магистрате «данный ему на капитанский чин патент» и направление для устройства на службу в Сибирский корпус. Дальнейшая его судьба не известна¹.

Семен Боровинский в начале 1760-х годах был ратманом городской ратуши (условно эту должность можно определить как «заместитель бургомистра»). В 1763 году избирается бургомистром. На этом посту он был с небольшими перерывами до 1783 года. Бургомистр в городах России середины XVIII века — глава местного самоуправления, выборный чиновник, фактически, глава города. В 1766 г. в городах вводится должность городского головы — реальных полномочий он не имел и должен был организовывать процесс выборов представителей в Комиссию для составления нового уложения, которую собирала Екатерина II. Комиссия должна была создать основу для нового «Уложения», или свода законов. По окончании работы Уложенной ко-

¹ ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 141.

Волчья жизнь Боровинских

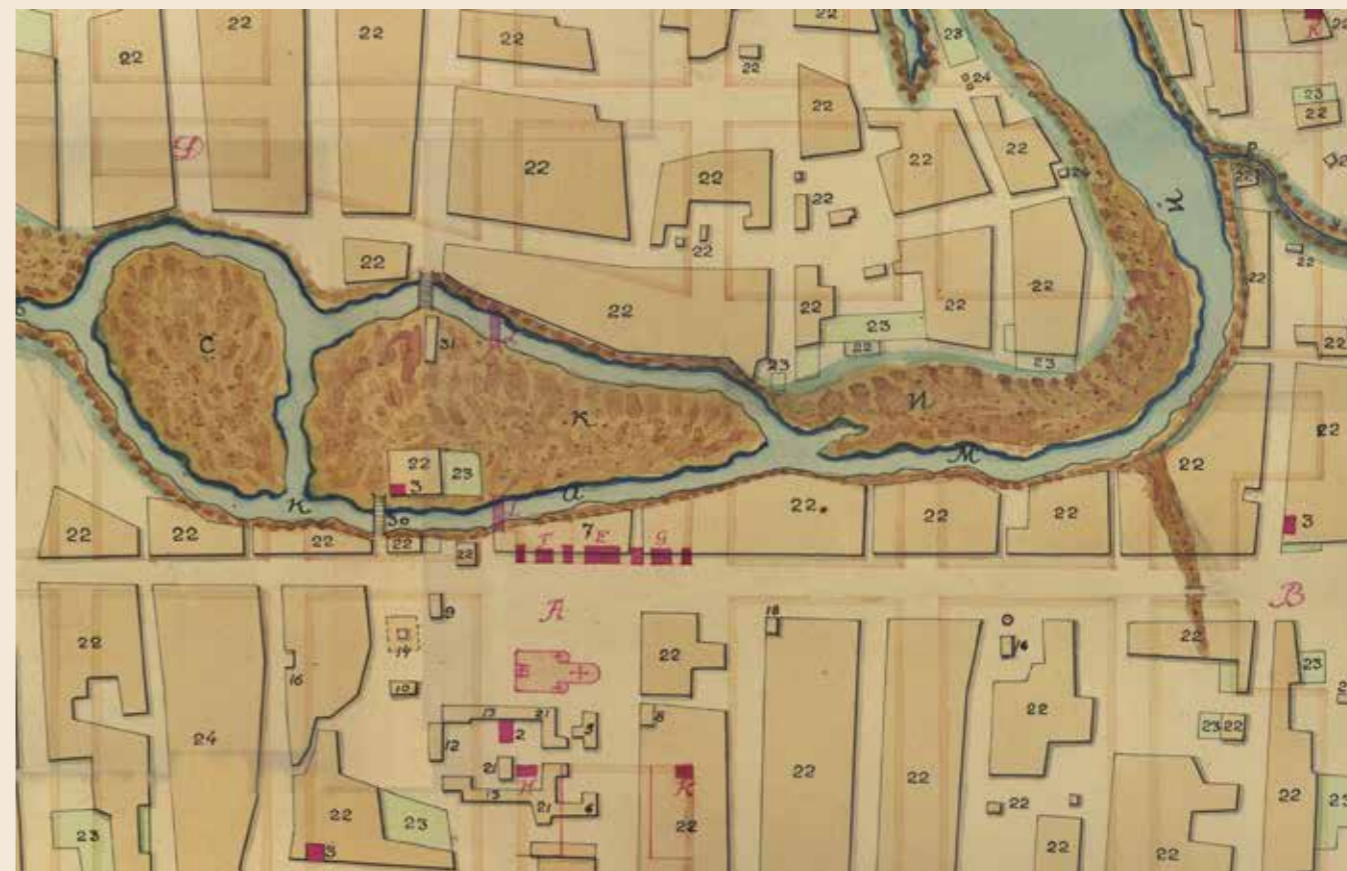
Эту историю я уже излагал, но в другом формате и частями. Сейчас есть возможность рассказать пусть вкратце, но один «кусочек», без разбивки на фрагменты...

Гаяз Самигулов

блем — на постройку нового моста, покупку дома для размещения городского самоуправления и прочее. Государство «умдро» устранялось от решения таких проблем, просто обязав население поддерживать в порядке дороги, мосты... Имелось еще много других «повинностей». Так вот, в этих ситуациях сумму раскладывали на жителей города «по душам и по пожиткам», то есть по количеству членов семьи мужского пола и по зажиточности. И три-четыре зажиточные семьи вполне могли оплачивать до половины общих расходов. Боровинские, наряду с Аргаусовыми и Битюковыми, относились как раз к таким семьям. А. М. Боровинский оказывал большую помощь в строительстве Христорождественского собора (1748–1766 годы), и после смерти, в признание заслуг, был похоронен в его ограде. При этом его жена придерживалась старообрядческих традиций, по крайней мере, в 1785 г. их сын, Семен Боровинский сообщал в городской магистрат, что ежегодно вносит за свою мать, Наталью Боровинскую, двойную подушную подать, как за раскольницу. У Андрея Максимовича было три сына — Семен, Иван и Андрей. Об Андрее можно сказать коротко — будучи младшим из сыновей, он решил пойти по военной стезе. В апреле 1787 году он предъявил

миссии, должность городского головы была оставлена в городах для посредничества между их населением и администрацией. В этой должности Семен Андреевич пробыл до преобразования Челябинска в уездный город (1781 г.). В 1771 г. Главный магистрат, располагавшийся в Москве, распорядился — Боровинского, в силу многолетней службы бургомистром, больше в ратушу не избирать, а на его место выбрать кого-нибудь из «первостатейных» купцов. Однако горожане год за годом вновь избирали бургомистром Семена Андреевича. Объясняли они это тем, что «Как де они, посадские и цеховые всеми ево, бургомистра Боровинского распоряжениями и в делах [указами?] довольны, то потому ныне и впредь быть ему [бургомистром] желают. О чем ево прилежно и просили. И он для общества на один год согласился». И так, видимо, повторялось десять лет подряд.

Помимо бургомистерской своей деятельности на благо города (и самого себя, о чем несколько позже), Семен Андреевич был довольно состоятельным купцом. Вообще, семья Боровинских относилась к так называемым «нераздельным», то есть вроде как и дом у каждого свой был и прочая недвижимость по документам числилась, скажем, на Иване Андреевиче, но в реаль-

Фрагмент плана Челябинска 1784 года, красным на острове показан дом Боровинского

ности старшим в делах и главным собственником (после смерти отца) считался Семен. Сложно сказать он ли, или еще Боровинский-старший, стал брать на откуп поставку соли из казенных складов в Тобольске в крепости и слободы Исетской провинции. Государство платило оговоренную сумму, а откупщик поставлял соль на склады в крепости и слободы в пределах Исетской провинции, в оговоренных же количествах. Сколько заработал на этом — его. Боровинские построили промежуточные склады недалеко от Исетского острога (сегодня село Исетское Тюменской области) — поставки соли стали их постоянным бизнесом. Помимо того, они имели лавки в городе, занимались торговлей лошадьми и т.д. и т.п.

Руководителем Семен Андреевич был властным, хватким. Об этом можно судить по некоторым документам, которые описывают ситуации, выходящие за рамки рутинной городской администрации. Когда река подмыла общественные мясные лавки, то было быстро решено поставить их не на берегу, как раньше, а на участке все того же второго брата Боровинского — Ивана. Но одна из самых интересных инициатив (возможно не являвшаяся местным ноу-хау, но все же весьма интересная) — своеобразная «программа поддержки бизнеса». В 1779 году Семен Андреевич подписал приказ городскому старосте Максиму Чебыкину, в котором отмечалось, что собрана с горожан на различные

нужды сумма в 500 рублей, а расход предполагается не более 200 руб. Из остальной суммы бургомистр предписывал выдавать желающим горожанам ссуды под процент. Поскольку банков в ту пору в наших краях не было (и не будет еще долго), то ратуша, а позже городская дума, выступали как кредиторы. Ежегодно различные купцы обращались в городские органы власти за займами, под гарантии поручителей, либо залог недвижимости. Эта практика существовала вплоть до открытия Челябинского общественного банка в 1867 году. Так что Семена Андреевича Боровинского можно считать зачинателем централизованной кредитной системы в Челябинске.

В период пугачевщины Семен Андреевич пытается организовать оборону города, организует население на ремонт оборонительной стены. Осенью 1773 года Боровинские были, очевидно, в числе тех купцов, которые вооружили на свои деньги некоторое количество дворовых людей для защиты города в случае нападения пугачевцев. После подавления казачьего бунта, вспыхнувшего 5 января 1774 года, участвовал в работе «судейской коллегии», куда входили капитаны армейских команд фон-Сизинг и Сумароков и заместитель воеводы Исетской провинции Свербеев. За действия в период восстания Пугачева, С. А. Боровинский удостоен шапки от Екатерины II. Генерал-лейтенант А. Бибииков, главнокомандующий войсками, направленны-

ми на подавление восстания, писал Екатерине II 2 марта 1774 г.: «Всемиловнейше пожалованные шпаги... в Кунгур купцу Хлебникову и в Челябинск, бургомистру и городскому голове Семену Боровинскому при первом случае отправлю».

Семен Боровинский — единственный известный (по крайней мере, пока) «именитый гражданин» в Челябинске конца XVIII в. Эта группа людей была освобождена от телесных наказаний, имела право ездить в каретах, запряженных парой, содержать фабрики и заводы и т.д. Сословная группа именитых граждан была создана после выхода городского положения 1785 г.

В 1788 году Семена Андреевича ссылают... в губернский город Пермь. За что именно его сослали — неизвестно. О пермском периоде его жизни мы также практически ничего не знаем. Умер он 29 сентября (по старому стилю) 1806 года. Завершает его земную биографию весьма примечательный факт: он был похоронен на созданном незадолго до этого архиерейском кладбище Перми, где хоронили людей из «первой обоймы» города. В частности, на этом кладбище похоронены губернатор и вице-губернатор Пермской губернии, старшие чиновники и представители духовного ведомства. Будучи просто пермским мещанином, С. А. Боровинский был похоронен на самом престижном кладбище Перми. Возможно, со временем мы получим объяснение этому факту. Приведу надпись, которая была помещена на надгробном камне Семена Боровинского: «Помяни господи душу усопшего раба твоего Симеона и сотвори ему, Господи, вечную память. Под сею доскою погребено тело бывшего челябинского купца Боровинского потом пострадавшего и по переселении пермского мещанина, который родился в 1733 году августа 25 дня, а помер 1806 года сентября 29. Жития его 73 года 1 месяц и 4 дня. А в сей богоспасаемой обители тело сие положено с благословения его Высокопреосвященства архиепископа Пермского и Екатеринбургского Иустина. Память же его, Боровинского, совершать в 1 число сентября».

Иван Андреевич Боровинский, средний сын основателя династии, Андрея Максимовича, которому выпало продолжить семейное дело в Челябинске после отъезда братьев. И на примере истории его самого и его семьи можно отчетливо увидеть, как мало меняются люди и система общественных отношений, не взирая на прошедшие века. Поскольку документов относительно дел Ивана Боровинского и последующего их развития сохранилось немало, мы имеем возможность проследить и удары «судьбы» и способы смягчения последствий этих ударов, которые использовал клан Боровинских...

Родился Иван Андреевич, предположительно, в 1751 г. (в 1753 г. ему было два года). Как и старший брат, Семен, занимался торговлей. В 1773 г. воевода Исетской провинции удовлетворяет прошение купца Ивана Андреевича Боровинского и отводит ему в вечное и потомственное владение участок земли: «в здешнем городе Челябинске по течению реки Мияса по левой руке в мысу между тою рекою и старицею, а за Мияс реку едучи спускаясь с мосту на правой стороне от самой той дороги на восток до то место, где она река и старица соединились...

просимое тобою место им Исаковым (землемером — Г.С.) свидетельствовано и меряно, по которой оказалось от моста до плотины (курсив мой — Г.С.) длиною 86 сажень; реки Мияса и по проточине вниз до соединения оной проточкины с Миясом рекою по 100, по 50 сажень, да между оными рекою и проточиною в соединении 20-ть сажень». На фрагменте плана города 1784 года показана ситуация — посреди реки Мияс в ту пору существовал остров, большую часть которого и отдал Ивану Боровинскому. На этом месте он строит один из первых в Челябинске каменных двухэтажных домов. Этот дом простоял до 1970-х годов. В апреле 1779 года, та же провинциальная канцелярия, отводит Ивану Боровинскому участок, в одной версте от города, под постройку пильной и мукомольной мельниц. Что такое мукомольная мельница все, наверное, знают, а пильной называли лесопилку, которая приводилась в действие силой падающей воды (то есть строилась плотина и вода, падающая сверху, вращала колесо, которое приводило в движение механизм пилорамы). Это было первое механизированное промышленное предприятие в городе.

Характер у него был, очевидно, довольно непростой, нравом он отличался довольно независимым. Один из характерных эпизодов: в 1786 г. губернские власти затребовали у челябинского магистрата взыскать накопившиеся за Иваном долги общей суммой 104 руб. 12 ³/₄ коп. Видимо, Иван Боровинский был не совсем согласен с решением властей и долг он отдал, только деньги в магистрат привез медной монетой. Сто рублей медными «деньгами» и копейками того времени — это изрядная тяжесть. Губерния отказывалась принимать медь и требовала обменять мелочь на ассигнации. Банка в Челябинске не было. Частные лица брали большой процент, причем сначала надо было обменять медные монеты на серебряные, а затем серебро на ассигнации, и за каждую обменную операцию добрые купцы, соглашавшиеся за это взяться, требовали уплатить по 2,5 процента от суммы... Предполагалось, что проценты уплатит Иван Андреевич, а он считал, что долг вернул сполна и тратиться на решение проблем властей предержащих не должен. Переписка между магистратом и губернским казначейством о том, как бы обменять мелочь на ассигнации, продолжалась полгода, пока старший брат, Семен, приехав в магистрат, не внес требующую сумму бумажными деньгами.

Иван Андреевич Боровинский в 1797–1799 гг. занимал должность городского головы г. Челябинска, был и на других выборных должностях. В «Обывательской книге» на 1795 год указано, что он женат на дочери тобольского купца Абрама Шевырина, Дарье, но детей у них еще не было. В 1811 году у Ивана и Дарьи Боровинских трое детей: старшему, Семену, было 14 лет, Ивану — 9 и дочери, Парасковье — 13 лет. Младшему из братьев, Ивану, предстояло унаследовать имущество отца и проблемы, с ним связанные.

Поле деятельности Ивана Боровинского было довольно широко — он занимался розничной торговлей, содержал мучную и пильную мельницы, брал подряды на поставки соли. На соляных поставках он и погорел. Его напарник из Томска, которому

Мост на р. Мияс, справа двор Боровинских и белый двухэтажный дом

Боровинский доверил обоз с солью, не довел его до точки назначения. Трудно сказать, что конкретно случилось, но соль была потеряна. После разбирательства, проходившего как на местном уровне, так и в столице, вышел указ Правительствующего Сената от 10 сентября 1801 г., предписывавший взять с челябинского купца «за растрченную соль» 8750 рублей и проценты «в пользу приказа общественного призрения» — 7860 рублей. Иван Боровинский предъявил поручительство на 6 000 рублей и долг на заводчиках Лугининых в 4 000 рублей для погашения основной суммы.

Примерно в это же время (1800 год) городская дума предъявляет И. Боровинскому претензии по поводу мельниц. Дело в том, что где-то в 1798 году Челябинску была определена граница выгонных земель, то есть земель для нужд города. Мельницы оказались в границах городского выгона. Дума потребовала, чтобы Боровинский заплатил за пользование мельницей за весь срок с начала действия Городового положения (1785 год) 200 рублей и впоследствии платил ежегодно по 30 рублей. Тот аргумент, что земля под постройку мельниц была отведена до выхода Городового положения, не подействовал.

Рассчитавшись по основному долгу, назначенные к выплате проценты Иван Андреевич выплачивать не спешил, решением Московского суда на его имущество был наложен секвестр, попросту говоря, его конфисковали. Затем продали с торгов всякую мелочь: одежду, посуду, мебель, бытовую утварь. Здесь власти наткнулись на первый камень — последовало заявление Дарьи Боровинской о том, что среди вещей, проданных как имущество мужа, было немало ее приданого и прочих предметов, собственницей которых является она, Дарья, а вовсе не Иван.

Боровинскому выдают опись его имущества, по которой производились торги, в которой он ставит пометки напротив наименования вещей. Часть имущества он записал как приданое своей жены. Но кроме всего прочего, всплывает имя его старшего брата, сосланного на поселение в 1788 г., — напротив некоторых вещей Иван Андреевич записал: «брата моего, пермского мещанина Семена Боровинского». Вещи, принадлежавшие жене и брату Боровинского, что были изъяты и проданы с чрезмерной поспешностью, были возвращены людьми, купившими их. Часть тех, кто купил с торгов неправильно конфискованное добро, возвратили его еще до составления упомянутой описи.

Далее пришел черед имущества недвижимого. Поразмыслив, городские власти решили не продавать секвестированный каменный дом, а оставить его для городских нужд. Понять их можно — в распоряжении города в ту пору имелся один из каменных двухэтажных домов, купленный в 1790 г. у купца Ефима Сапожникова. В этом здании размещался магистрат и городская дума. На все городские и уездные структуры места не хватало, и под их размещение арендовали частные дома. Упустить такой лакомый кусок городские власти не могли.

Поэтому каменный двухэтажный дом был оставлен в распоряжении города, а вся прочая недвижимость в октябре 1808 года продана с торгов и куплена Семеном Ивановичем Поповым: «за иск казенной у челябинского мещанина Ивана Боровинского недвижимого имения в городе Челябинске при деревянном доме пять лавок крытые ветхие, за сто три рубля, два анбара крытые ветхие за сто пять рублей, три лавки крытые ветхие за сто за тридцать рублей, позади Гостиного двора у ворот две лавки крытые драньем за петдесят рублей, прикаменном доме

Мост через реку Миасс, первый за мостом справа – дом Боровинских

(во флигеле деревянной дом о четырех жилых покоях под ним кладовой анбар и два анбара, да вверху два кладовых анбара на дворе изба черная с сеньми баня одна конюшень две, все сие крыто тесом а дом обнесен заплотом зболшими воротами) за четыре ста за девять рублей, в гостинном дворе лавка деревянная одна за восемьдесят за пять рублей, вне города при мельнице дом двухэтажной крыт тесом о шести покоях и три хлебных анбара завозня одна, изба одна, все кроме избы крыто тесом за двести семь рублей, а всего на тысячу восемьдесят восемь рублей, кое число денег от покупщика мещанина Попова принято сполна чего для ему Попову ко владению вышеозначенным именем данной сей указ»²

В дальнейшем Иван Боровинский выступает как лицо неимущее, собственности на нем не числится, никаких сделок он не заключает. Ему и нельзя, поскольку находится под секвестром и проценты «в пользу приказа общественного призрения» все еще не выплачены. Поэтому Иван Андреевич официально сидит на иждивении жены и взят с него на погашение этих самых процентов буквально нечего. В дело вступает (уже не в первый раз) его жена, Дарья Боровинская, или как записана во многих документах — «Боровинскова».

Первым делом решается вопрос о проданной с торгов земле. Как свидетельствовал впоследствии купец Семен Попов: «В про-

шлом 1808 году куплен мною был с аукциону в числе протчего строения описанного у ... мещанина Ивана Боровинского ... в следствие ж оной во флигеле дом и все протчее строение значущея в том указе продал я (в котором году не помню) мещанке Дарье Боровинской»². Таким образом, практически вся земля, кроме той, что была под каменным домом, вернулась семье, но формально к Дарье Боровинской, а не к ее мужу. В последующие годы в «Обывательских книгах», хозяйкой значится именно Дарья, а Иван проходит как ее, хозяйки, муж. В 1817 г. Дарья Абрамовна Боровинская так же записана хозяйкой, но уже вдовой. Наверное, стоит сообщить, что купец 3-й гильдии Семен Попов, так удачно купивший землю и продавший ее жене бывшего хозяина, — был двоюродным братом Ивана Андреевича Боровинского, а в момент продажи имущества с торгов — городским головой Челябинска... Таким же образом вернулись к Боровинским 11 лошадей, проданных с торгов в 1805 году³.

Вроде бы потихоньку ситуация выправляется. Оренбургское губернское правление ходатайствует о снятии выплат процентов в пользу Приказа общественного призрения. Возникает надежда на то, что каменный дом будет возвращен семье Боровинских. Здесь опять происходит совершенно непонятный кульбит.

² ОГАЧО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 217. Л. 22.

³ ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 208. Л. 250–250 об.

Капитан Лугинин, один из владельцев Златоустовских заводов, еще в конце XVIII века занял у И. Боровинского 10 000 рублей, которые по предъявленным документам и были Ивану Андреевичу выплачены. Однако заемщиков у Лугининых оказалось много и часть из них, очевидно, при чинах — разбирательство дела о долгах Лугинина дошло до Сената. В итоге, в 1822 году 1-й департамент Сената решил, что Боровинскому вернули слишком много денег, и он должен вернуть 7855 рублей 76 ³/₄ копейки. Возможно, решение Сената было продиктовано стремлением удовлетворить всех заемщиков хоть в части их требований, то есть дать всем по чуть-чуть, а Боровинский успел получить свой долг сполна. Как бы то ни было, через Московский уездный суд Челябинскому городничему было передано требование взыскать с Ивана Андреевича Боровинского той самой суммы 7855 рублей. Но И. А. Боровинский давно скончался, его наследник, то есть сын, Иван Иванович Боровинский был нищ и гол, поскольку отец ему ничего не оставил — просто не мог ничего завещать, так как находился под секвестром. А имущество вдовы, Дарьи Боровинской опять-таки получено не от мужа, а в качестве приданого и впоследствии куплено у разных людей, в том числе у Семена Попова... Каменный дом снова становится своего рода гарантом взыскания денег, тем или иным образом. То есть, если не с Боровинских, то за счет сдачи дома в аренду. При этом обе-

спечением получения прибыли никто особо не озадачивался.

Затем происходит совершенно замечательная история. Большинство учреждений в Челябинске того времени (как и позже) размещались в домах, арендованных у частных лиц. В том числе и самые главные учреждения: городническое правление, уездный суд, уездное казначейство. Специальных зданий для их размещения в городе не было. Наконец, в 1825 году, купец Юдин взялся построить кирпичный корпус для размещения «присутственных мест» (то есть учреждений). Корпус он построил и его пытались использовать, но решили, что здание построено плохо и скоро просто рухнет. В общем, в конце 1820-х годов каменный дом Боровинских оказался забит под завязку. Как писала позже Дарья Боровинская: «заняли квартиранием, как припомнится мне с 10 апреля 1828 года, Челябинские: уездный и земский суды, оное городническое правление; уездное казначейство, гоубвахта, тюремной замок, арестантская, батальонная и инвалидная команды, две кладовые с денежною казною стояли на постое каждая в особых комнатах два года и два месяца».

Боровинская насчитала стоимость постоя, исходя из существовавших в городе расценок, 6200 рублей. Причем она подразумевала, что деньги должны быть заплачены Боровинским (дом то их). Но это был шанс практически полностью погасить мифическую задолженность в связи с лугининскими делами — никаких

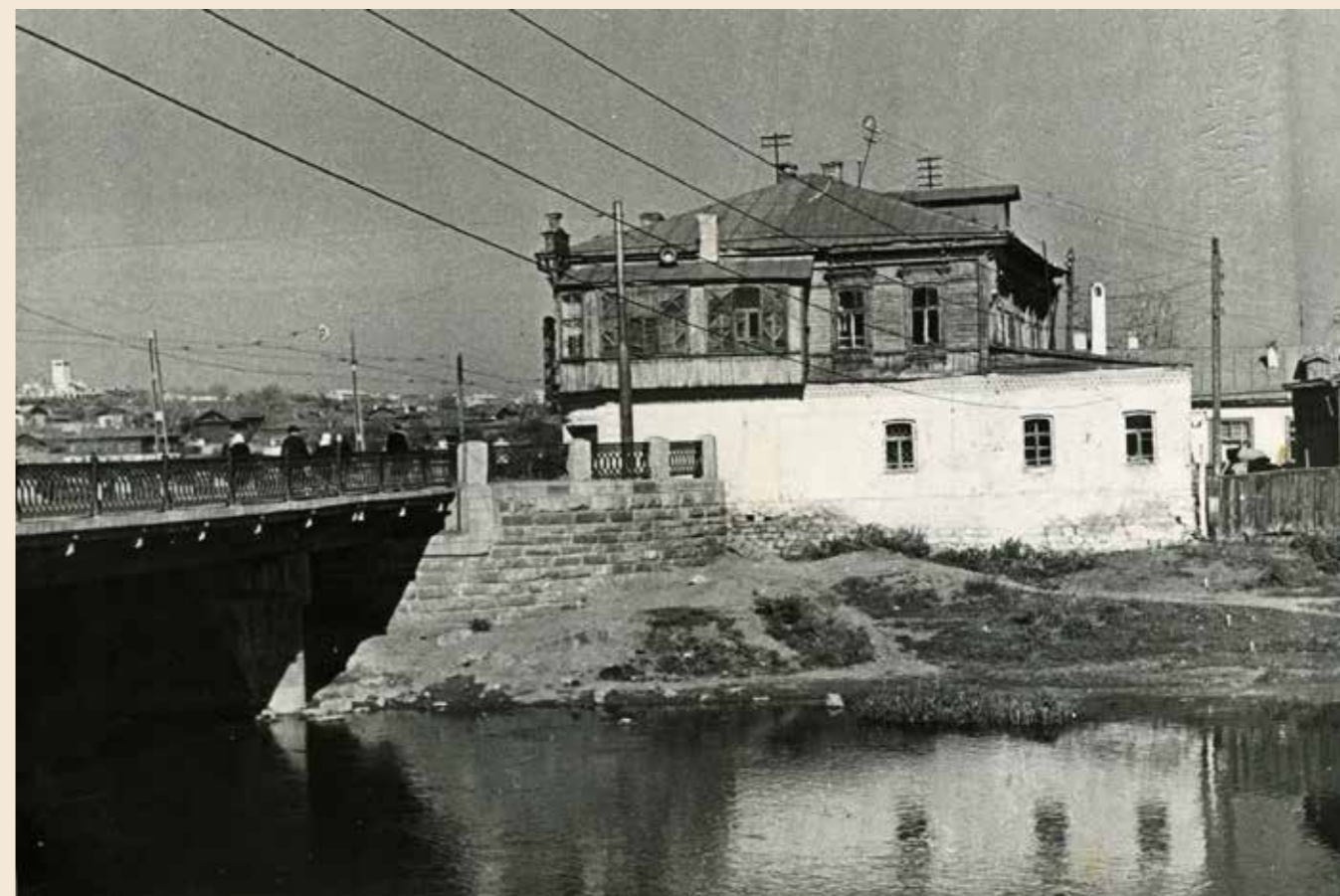

Фото 1960-х гг., новый мост и дом Боровинского с перестроенным (бревенчатым) вторым этажом

денег никто никому не заплатил. Когда здание позже передали в ведение Сиротского суда, и он попытался выяснить официально, какие учреждения квартировали в доме, то не смог добиться ничего. В конце концов запросили справку у архивариуса Евтюгина, что «рапортом донес, что сколько времени занимаем был присудственными местами, тюремным замком и Гаубвахтою дом (Л. 55) Боровинского и был ли заключен с мещанкой Боровинской контракт о производстве ей за постой платы, того по журналам с 1828 года не видно».

Попутно, пытались решить вопрос с взысканием денег непосредственно с Боровинских. Очевидно, судебные органы рассчитывали, что после смерти Дарьи Боровинской, когда в права владения вступит ее сын Иван Иванович Боровинский, то все взыщут с него, так как он же являлся и наследником Ивана Андреевича Боровинского. Но в 1830 году Сиротскому суду была предъявлена бумага следующего содержания: «Лета тысяча восемьсот тридцатого сентября в первый день вдова челябинская мещанская жена Дарья Абрамова дочь по муже Боровинского Оренбургской губернии в Челябинском уездном суде от крепостных дел выдала сию купчую крепость мещанской жене Екатерине Васильевой дочери по муже Боровинской же в том, что продала я Боровинская ей, Екатерине собственный свой дом...» То есть Дарья Боровинская продала усадьбу своей снохе Катерине, формально оставив своего сына нищим. И взыскать с него ничего не могли, поскольку он имущества не имел и дел не вел... Буквально бедствовал.

В 1845 году выяснилось, что Боровинские никому ничего не должны. Проблемы как-то рассосались (правда, для этого пришлось приложить немало усилий). В 1848 году дом был возвращен Ивану Ивановичу Боровинскому. Чтобы вы могли представить себе, в каком состоянии пребывало здание, приведу его описание, сделанное в 1833 году: «В первом этаже к западной стороне два жилых покоя, в коих 8-м окон с ветхими и весьма поломанными окончинами, чрез сени к востоку две комнаты: в 1-й содержались арестанты, а во второй хранилась денежная казна, в них двои двери на крючках и петлях железных, у одной комнаты железная полоса для запора дверей, четыре окна с железными решетками и весьма ветхими и поломанными окончинами, одна кирпичная печь, полы ветхие, из сеней во второй этаж ход.

Во втором этаже семь жилых покоев, один чулан и одни сени, во оных десять дверей столярной работы поломаны на шалнерах, четыре печи и один камин кирпичные, но по ветхости следует оные вновь сделать, осьмнадцать окон с окончинами в коих стекла все выбиты, потолки от течи погнили и начинают валиться, к полуденной стороне балкон на деревянных столбах покрыт тесом, но крыша ветхая...»

В середине XIX века начинается новая эпопея усадьбы Боровинских. В 1838 г. Николай I утвердил проектный план на город Челябинск. По этому плану, на том месте, где располагался двор Боровинских, была запроектирована площадь для продажи сена и дров. Боровинские начали отстаивать право на земли, получен-

ные Иваном Андреевичем в 1773 г. в «вечное и потомственное владение». Эстафету борьбы за неприкосновенность унаследованной собственности принимает внук Ивана Андреевича — Николай Иванович. Три срока — с 1866 по 1872 годы — Николай Иванович Боровинский занимал должность городского головы Челябинска, то есть был руководителем городского самоуправления. При его первом избрании приключилась занятая история: поскольку вся собственность в семье традиционно числилась за женщинами (чтобы чего не случилось), а избрать человека на должность можно было только в том случае, если он самостоятелен и имеет собственность, то пришлось ему брать справку о том, что на самом деле он в торгово-экономических делах семьи участвует.

В 1873 г. внук Ивана Боровинского выносит на общий сход жителей Челябинска вопрос о своей усадьбе. Собрание домовладельцев Челябинска решило по заявлению купеческого сына Николая Ивановича Боровинского, показанную на существующем проектом плане Челябинска площадь для продажи сена и дров перенести туда, где в момент составления общественного приговора и происходила торговля сеном, хлебом и дровами (т.е. на левый берег р. Миасс), поскольку участок, на котором предполагалось по плану разместить указанную торговую площадь, указом Исетской провинциальной канцелярии от 14 апреля 1773 года за № 1661 был передан в вечное и потомственное владение деду заявителя Ивану Боровинскому и он реально находится в частной собственности и застроен частными постройками.

Итак, спустя 100 лет после отвода Исетской канцелярией участка в вечное и потомственное владение Ивану Боровинскому, пережив секвестр имущества, вернув себе, пусть не сразу, всю усадьбу, его семья добилась подтверждения своего права на земли, полученные дедом. Боровинские проявили незаурядное упорство, живучесть, изворотливость. А дом стоял до начала 1980-х годов, правда в 1920-е, после пожара, второй этаж был вновь отстроен уже бревенчатым. Но на снимке 1960-х, после постройки нового моста, он вполне узнаваем...

Это, разумеется, «однобокий» рассказ. Можно было написать о том, как сильно отличалась мебель в доме Боровинского от той, которая была в домах других челябинцев. Или о том, что у него на стене висели китайские картинки и портреты императоров, а также картины на олове... А также о том, что Иван Андреевич обвинялся (и очевидно не беспочвенно), в жестоком обращении с дворовым человеком, то есть прислугой и в представлении к жене поручика, будучи в Тобольске. Но это все же статья, а не книжка — на все места не хватит. А здесь я постарался отобразить, насколько узнаваемы события далекого, казалось бы, прошлого. И не те, которые связаны с вечными чувствами, а «приземленные» отношения человека и системы. Если угодно, богатого человека и системы. И насколько давние традиции у «современных» способов спасения бизнеса. Или хотя бы самих себя.